НИЛ СТИВЕНСОН

ФРАГМЕНТ ТРЕТЬЕГО И ПОСЛЕДНЕГО ТОМА «ПЛЕМЁН ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ», ЗАПИСОК ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 21XX ГОДА НА ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ, СДЕЛАННЫХ ЕЁ УЧАСТНИКОМ, ПРОФЕССОРОМ С*** Х***

ПЕРЕВОД ALABARNA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Во время нашего длившегося целый день отступления через предательский ландшафт из крошащихся железобетонных плит и мостов мы потратили немало взрывчатки. Мы подрывали один её рулон за другим, обваливая уровень за уровнем бетона, этажи за этажами, — как выразился со свойственным ему чёрным юмором капитан Нэйпир, «создавая рабочие места для дворников». Если Четырёхколёсники захотят приблизиться с этой стороны, у них есть выбор: либо идти пешком сквозь засеку из перекрученной железной арматуры, торчащей из недоосевшего ещё мусора, либо гуськом ехать по узкой тропе, по которой отступили мы. Тропу сейчас усеивали мины, способные подбросить горящие обломки примитивных четырёхколёсных средств передвижения на дюжину метров в воздух, как уже выяснил один невезучий моторист».

- Нил Стивенсон
  - ○

Нил Стивенсон
Фрагмент третьего и последнего тома «Племён Тихоокеанского побережья», записок этнографической экспедиции 21XX года на Западный берег, сделанных её участником, профессором C*** X***

На протяжении трёх дней мы стояли лагерем в развалинах торгового пассажа, отсыпаясь на полу бывшего зала игровых автоматов, заваленного цветастыми остовами примитивных медиатронов, уже давно холодных и выцветших. Один из пассажных стеклянных лифтов, застрявший на третьем, последнем, этаже, представлял собой превосходнейшую точку наблюдения за парковочными площадками на юге. С этого направления капитан Нэйпир и ждал атаки, поэтому мы несли в лифте круглосуточную вахту. Абориген Тод, наш проводник, был поражён тем, что стеклянные стены целы, и всё гладил их руками, чем навлёк на себя гнев капитана.

— Стекло — полезная штука, но только пока оно прозрачно! Отыщи тряпку в каком-нибудь старом магазине одежды и вытри свои отпечатки, а не то проморгаем врага!

Получив нагоняй, Тод испуганно попятился из лифта и заспешил в сторону одного не разграбленного до конца магазина.

Капитан Нэйпир развернулся и, к нашему ужасу, с размаху пнул стеклянную стену! Доктор Нкрума и я отвели глаза, невольно ожидая, что в нас брызнут осколки. Но, как ни удивительно, стекло поглотило удар, подобно граниту или мрамору. Капитан озорно нам подмигнул.

— Для тех, кто рос в Алмазном веке, стекло — всего лишь составляющая мусора предыдущей эпохи, — сказал он. — Кто из нас, будучи ребёнком, не разреза́л руки или ноги осколком стекла в увлекательных походах по древним развалинам? Об этом веществе сложилось пренебрежительное мнение, — а ведь до того, как изобрели сшитый бриллиантоид, из стекла были

сделаны все окна в мире! Изучите со вниманием архитектуру конца двадцатого века и узнаете, что стекло зачастую использовали там, где колоссальную важность имела прочность, — возьмите хоть этот подъёмник, отсутствие стены в котором грозило бы смертью пассажирам. Наш друг Тод, держу пари, частенько коротал скучные долгие дни, метая камни в окна заброшенных зданий, и неразбитое стекло для него — оскорбление его силе и меткости. Но я мог бы поклясться, что в стену этого лифта он может кидать камни хоть целый день и даже не поцарапать.

Пока он говорил, доктор Нкрума поглаживал свою бородку, как нередко делывал, пребывая в задумчивости.

— Правительственные лидеры прошлого столетия часто защищали себя от кинетического оружия барьерами из толстого стекла, — сказал он. — Не знал, что эту технологию внедрили и в коммерческом секторе.

Он дал стене пинка-другого для пробы, да и сам я, каюсь, также не удержался. Вскорости вернулся Тод, гордо неся несколько пожелтевших бумажных полотенец, словно редкие пергаменты с места археологических раскопок, и начал яростно стекло скрести; однако же капитану Нэйпиру снова пришлось ему попенять.

— Помни, что стекло мягче современных его заменителей и мягче даже многих микроскопических частиц грязи, мешающих нашему обзору, и когда ты вот так его скребёшь, то втираешь эти частицы в поверхность и приносишь больше вреда, чем пользы.

Тод, надобно отметить, слушал эти речи в некотором изумлении. Попытки капитана Нэйпира вытащить нашего спутника из бездны невежества говорили о благородной душе первого, но, верно, последнему было уже не помочь.

— Проще говоря, Тод, — наконец сказал командир, видя, что проводник не понимает, — вначале сполосни стекло большим количеством воды, а тереть начинай, когда смоешь весь песок.

Это указание, выраженное в более конкретных понятиях, было для Тода прозрачно, как сшитый бриллиантоид, и проводник тут же заторопился прочь, на поиски ведра. Я подивился несвойственной ему прыти, но вспомнил наше положение и заключил, что до Тода с его донельзя практичным, приземлённым складом ума дошло, что такая мелочь, как чистота стекла на нашем наблюдательном посту, может в скором времени решить, жить нам или умереть. Если Четырёхколёсники и довольствуются тем, что без затей убьют капитана, доктора и меня, то уж Тода они, без сомнения, сочтут предателем племени и казнят не раньше, чем дадут ему весомые причины умолять об

этой милости. Я снова вспомнил, как часто вспоминал в последние дни, бедняжку Бритни Лу, которую волокли за пикапом Четырёхколёсника, пока та не испустила дух, — а ведь она всего лишь улыбнулась мне во время церемониального поджаривания мяса.

Неровности северного подхода к пассажу исключали лобовую атаку с этого направления. Во время нашего — длившегося целый день — отступления через предательский ландшафт из крошащихся железобетонных плит и мостов мы потратили немало взрывчатки. Мы подрывали один её рулон за другим, обваливая уровень за уровнем бетона, этажи за этажами, — как выразился со свойственным ему чёрным юмором капитан Нэйпир, «создавая рабочие места для дворников». Если Четырёхколёсники захотят приблизиться с этой стороны, у них есть выбор: либо идти пешком сквозь засеку из перекрученной железной арматуры, торчащей из недоосевшего ещё мусора, либо гуськом ехать по узкой тропе, по которой отступили мы. Тропу сейчас усеивали мины, способные подбросить горящие обломки примитивных четырёхколёсных средств передвижения на дюжину метров в воздух, как уже выяснил один невезучий моторист.

Необъятную южную парковку мы с нашим скудным запасом взрывчатки заминировать не могли. Мои читатели не поймут смысла в парковке такого размера, и их можно простить. На первый взгляд она кажется современному человеку гладкой как стол голой равниной, которой отчего-то пренебрегли архитекторы пассажа. Однако по пристальному рассмотрению видна выцветшая сетка жёлтых линий, напоминающих следы мела на плохо протёртой классной доске, и вот уже ум невольно осознаёт, что эта территория — не естественная формация, а дело рук человека. Точно так же при взгляде на пирамиды или Великую Китайскую стену нас впечатляет не размах работы, пустяковой для современных инженеров, а то, что люди взялись строить их в то время, когда это было куда труднее.

Когда читатель поймёт, что сюда стекались до двадцати тысяч покупателей разом; что почти все приезжали на автомобилях; что каждому из них требовалась полная полоса движения и пространство примерно в двадцать квадратных метров; и что половину парковки занимали не парковочные места, а проезды между ними; лишь тогда он представит размер этой асфальтовой равнины и наше непростое положение. Время, на радость всяческим сорнякам, выплело на поверхности тонкую, прихотливую сеть трещинок. В один прекрасный день всё укроет земля, — пока же парковка оставалась на диво ровной, и Четырёхколёсники на своих внедорожниках, не боящихся

пересечённой местности, проедут по ней не хуже, чем по накатанной дороге.

В воздух над парковкой мы выпустили стаю сторожевых дронов, но от десяти тысяч сторожевиков, с которыми мы отправились из Атлантиды/Сиэтла, осталась едва ли тысяча, и даже у тех уровень энергии был настолько низок, что при сильном ветре они через несколько часов выдохлись бы, пытаясь удержаться в заданной точке. И всё же капитан Нэйпир решил их развернуть, — хотя бы затем, чтобы подорвать боевой дух суеверных Четырёхколёсников. Чего б мы не дали сейчас за лишний мегаватт-час энергии в подходящем формате! Умея сохранять энергию в крохотном объёме и переливать быстро и без потерь по сверхпроводникам, мы перестали её беречь и забыли, что в иных условиях надо сжечь целый лес или выстелить солнечными батареями площадь в сотни гектаров, только чтобы перезарядить пальчиковый аккумулятор. И вот наша шестимесячная экспедиция подходит к концу, уже почти видны башни Лос-Анджелеса, — и нам угрожает смертью враг, от которого мы отмахнулись бы, как от мухи, когда бы не низкий заряд батарей.

Некоторые спросят, почему мы просто не взяли с собой побольше энергии, но те, кто терпеливо читал с самого начала, знают о множестве сюрпризов, которые встретились на нашем пути и которые отнюдь не укорачивали экспедицию; в частности, о трёх месяцах, что мы провели среди почти вымерших неоязыческих техношаманских племён региона Гумбольдта, ища способ избавиться от приставучих нанозитов, каковыми нас умышленно заразили, и в то же время прилагая все силы, чтобы сберечь от язычников наш секрет, наш переносной Источник. Личина странствующих торговцев и базовая аксиома, что за нами следят всегда и везде, — всё это делало пополнение запасов невозможным, едва мы покинули безопасные пределы Атлантиды/Сиэтла.

Теперь наш миниатюрный источник, хитроумно замаскированный под религиозную статуэтку, ждал наших команд. Вода для него у нас имелась, и воздух, разумеется, тоже. В отличие от наших гигантских промышленных источников, использующих минеральные богатства моря, этот собирал системы только из азота, кислорода, водорода и углерода, и в нанотехнологических проектах его секретной библиотеки использовались исключительно эти четыре компонента. Несмотря на столь жёсткое ограничение, инженеры Контроля за соблюдением Протокола написали удивительный набор программ, с которыми сборщик материи, расположенный в

пьедестале, может, — если есть энергия, — собирать небольшие, но крайне полезные вещицы всевозможного назначения — включая, разумеется, и оружие.

К огорчению тех, кто в юности с удовольствием почитывал известный жанр литературы, давно прошли те дни, когда оружие было продолжением руки воина, а его, оружия, эффективность — функцией воинского умения. Сейчас схватку нередко решает разница энергий и масс, а ещё — скрытность микроскопических диверсантов и глубина и тщательность защиты, направленной на то, чтобы им воспрепятствовать. По счастью для нас и для племён, соблюдающих Протокол, у Четырёхколёсников нет оружия последнего типа, даже их источники энергии в основном жидкофазные, и нам не надо бояться центрифугальных зарядов («штамповалок») и других адских изобретений, употребляемых в современном мире, чтобы доставлять энергию в человеческую плоть.

Но масса у них имелась, а именно, словно бесконечные армады четырёхколёсных машин со стальными рамами, родом из Елизаветинской эпохи, и Четырёхколёсники, несмотря на общую технологическую отсталость, были способны провести впечатляющую кавалерийскую атаку железной конницы по подходящему ландшафту. Парковка, расстилающаяся перед нами, подходила им как нельзя более, а мы, будучи на грани энергетического истощения, не могли найти худшего оборонительного рубежа.

Посему мы проводили дни и ночи в пассаже, погружаясь, в известном смысле, в более раннюю технологическую эру. Спору нет, я мог применить свои инженерные познания и написать программу для производства тех или иных разрушительных нанозитов. Но коль скоро Четырёхколёсники знают, что мы на самом деле тайные агенты Контроля, перед атакой они непременно защитят себя нанобаром. Как обнаружили многие недобросовестные инженеры, искоренить каковых наш святой долг, нанобар можно перфорировать, если пренебречь Протоколом, — но эта инженерная задача совсем не тривиальна. В нашей системе не было средств разработки, а у меня времени, чтобы предпринять что-то подобное.

Оружие прошлого столетия, как ни парадоксально, изготовить в спешке было ещё труднее, поскольку секрет его производства давно уже в ведении историков, а не инженеров. В таком оружии главную роль играет плотность метаемых снарядов, наш же сборщик не мог, разумеется, создать свинец или другие тяжёлые элементы. А производство взрывчатых веществ для разгона пули потребовало бы огромного расхода энергии.

Современного читателя, возможно, позабавит то, что перед последней атакой Четырёхколёсников мы «деградировали» даже не до века, предшествовавшего Алмазному, но ещё дальше, через Атомную и Индустриальную эпохи, до самого средневековья, когда оружие получало энергию из мышц воина. Поскольку библиотека сборщика содержала большой ассортимент пружин, мне удалось изготовить нечто вроде ручной катапульты, состоящей целиком из лёгких углеводородов и предназначенной для метания маленьких болтов, каждый из которых оканчивался жутковатым наконечником с четырьмя лезвиями. Лезвия эти, разумеется, вышли прямиком из молекулярного сборщика, и их остроте мог только завидовать любой средневековый оружейник. Такой оружейник осмеял бы незначительный вес стрелы: мол, ей нипочём не придать нужный импульс, а значит, не пробить доспехи врага, — но мощные пружины, плоды новой технологии, разгоняли болты так сильно, что на первых наших пробных стрельбах мы пробивали лист стали толщиной в полдюйма насквозь. Не стоит, наверное, и описывать глубину впечатления, произведённого этим чудом на Тода.

Пока Тод обходил кругом нашу импровизированную крепость, не прекращая что-то восторженно бормотать, капитан Нэйпир, доктор Нкрума и я, не обменявшись ни словом, представили, — и здесь я должен попросить прощения у читателя за то, что вообразил эту мерзость, — представили, какой эффект подобное оружие произведёт, будучи направлено не на стальную пластину, а на человеческое существо.

Капитан Нэйпир благожелательно оценил мою инновацию, — скромность мешает мне привести здесь его слова, — и потому, вооружив каждого из нас стреломётом, я запрограммировал сборщик на скорейшее производство боеприпасов. Тод, чья тревожность уступила место едва ли не каталепсии, предложил создать батарею стреломётов и поставить ловушки у входов в пассаж. Должен сознаться, что в некоторых отношениях эта идея показалась мне заманчивой, но капитан, недолго думая, поставил на ней крест, указав, что неиспользованная ловушка может оставаться взведённой ещё долгое время и однажды убить невинного туриста.

Наш маленький Источник отважно работал день и ночь, создавая болты по полудюжине за раз и с шипением выпуская вакуум, когда была готова очередная партия. Те из нас, кто не стоял на вахте в лифте, пытались спать; я просто лежал и слушал мерное шипение сборщика, как беспокойный отец, прислушивающийся к дыханию младенца.

Атака началась перед самым рассветом. Вахту в подъёмнике

нёс доктор Нкрума, но его бдительность оказалась ненужной; рёв полчищ двигателей внутреннего сгорания на дальнем краю парковочной площадки раскатился по всему пассажу, и мы вскочили на ноги ещё до того, как прозвучал сигнал тревоги. Капитан Нэйпир собрал нас в игровом зале, чтобы последний раз напомнить о боевой дислокации и о нашем святом долге перед Короной, — то есть о том, что с нашими знаниями мы не имеем права сдаваться живыми врагу, не связанному рамками Протокола. Наконец капитан подошёл к Источнику, каковой для незнакомых с его внутренним устройством выглядел кричаще раскрашенной статуей Девы Марии, и прошептал кодовое слово, инициировав программу самоуничтожения. К тому времени, как мы вышли, на месте Источника из голого бетонного пола столбом било белое пламя. Мы разошлись по местам и приготовились встретить Четырёхколёсников.

Первая волна состояла из машин, ещё более дряхлых, чем обычно у них, и, глядя в бинокль, я скоро понял, почему: пустые, они были посланы, чтобы испытать нашу оборонительную сеть из дронов. Те же, не в силах отличить фальшивых атакующих от настоящих, ринулись вниз роем африканских пчёл, расходуя последние крохи энергии впустую. Несколько машин взорвались, — дроны поразили топливные баки, — но большинство продолжали хаотично рыскать по парковке, в конце концов сталкиваясь одна с другой или разбиваясь о пассаж. Так Четырёхколёсники расчистили путь для настоящего штурма, каковой был примитивным и безвкусным зрелищем: полдюжины эскадронов по несколько машин в каждом с цветастыми флагами съезжались ко входам в пассаж согласно какому-то плану, разработанному, очевидно, самим королём Карлом.

Не буду испытывать терпение читателя, в подробностях излагая стратегию, посредством которой капитан Нэйпир надеялся отразить атаку, скажу только, что она предполагала обман, партизанские вылазки и различные психологические гамбиты, которые, как мы считали, хорошо проймут Четырёхколёсников. В любом случае, эти подробности несущественны, ибо очень немногое из запланированного удалось осуществить. Мы учли всё, кроме одного: что у Четырёхколёсников окажется технология уровнем ненамного ниже нашей. Врага мы даже не увидели, — нас вывели из строя мощные электрические разряды, произведённые микроскопическими агентами, кои без нашего ведома проникли в наши тела.

Очнулись мы в темнице Карла — подвале бывшего офисного здания. Капитан Нэйпир, доктор Нкрума и я были туго

примотаны к листам фанеры четыре на восемь футов и толщиной три четверти дюйма бесчисленными верёвками и ремешками. Тода с нами не было; читатель может вообразить его судьбу. После того, как мы трое очнулись и успели обменяться краткими, почти совпадающими отчётами, в темницу вошёл сам Карл и дал объяснения.

— Машины-обманки рассказали всё, что нам нужно было знать о гы-лубине вашей защиты, а именно, что гы-лубины никакой нет, — злорадствовал он, — поэтому, когда мы проникли в здание, потребовалось только спустить охотников-ды-абытчиков, а они нашли вас и шы-лёпнули во всех клёвый нанозит, который делится пы-аполам. Две пы-аловины плавали в вашей крови, пока не оказались на известном расстоянии ды-руг от друга, а потом вжжж! Одинаковые совсем пы-аловинки, только разность пы-атенциалов — десять тысяч вольт.

— Невозможно! — воскликнул я. — Такие технологии есть только в филах, где соблюдают Протокол!

— Всё возможно, — оскалился Карл, — когда у тебя есть кореша типа ОгнеЛисса и маршала Вуковича. Верно, ребята?

К великому нашему изумлению, в темницу вошёл человек, называющий себя ОгнеЛиссом, которого, как помнят внимательные читатели, мы встретили два месяца назад при совсем иных обстоятельствах. За ним следовал никто другой, как Вукович, маршал Экспедиционных войск Великой Сербии, уже ставший легендарным охотник за крадеными технологиями.

— Бонжур, мои друзья-миссионеры, — хрипло рассмеялся ОгнеЛисс, улыбаясь сквозь спутанные дреды во все шестьдесят четыре зуба. — Вижу, вы по-прежнему усердно проповедуете своё евангелие. Может быть, теперь вы попроповедуете нам о внутреннем устройстве того хорошенького Источника, который с вами был?

— Невозможно, — повторил я. — Четырёхколёсники, КриптНет и Великая Сербия — союзники?!

— И это ещё не всё, — сказал Карл. — Ещё нам помогают ваши прияте…

— Молчать! — крикнул маршал Вукович, поворотившись к королю Карлу. — Помни, наш договор запрещает разглашать масштабы нашей сети!

— Чего б и не разгласить трём покойникам, — сказал Карл, чей простонародный говор едва скрывал его возмущение отповедью Вуковича.

— Они ещё не мертвы, — хотя система, которую они представляют, обречена, — заговорил ОгнеЛисс. — Новая Атлантида, Ниппон и менее крупные филы, достаточно глупые,

чтобы объединиться под Протоколом, — динозавры. Их время прошло. Они контролируют мир, контролируя информацию — информацию о потенциальных поверхностях, определяемых некоторыми атомами, и о том, как их объединять, создавая структуры, известные под общим названием «нанотехнология». Но информация стремится стать свободной, — обречена стать свободной, — и вскоре она будет доступна каждому, несмотря на все усилия Контроля за соблюдением Протокола! Наша сеть на пороге окончательного разрушения монополии фил, соблюдающих Протокол!

В продолжение этой исступлённой тирады капитан Нэйпир пристально, с уверенной улыбкой смотрел на ОгнеЛисса, и ни один мускул на его лице не дрогнул, несмотря на то, что дреды ОгнеЛисса, как рыжие змеи, извивались у самого его носа!

— Знакомые слова, — сказал капитан Нэйпир. — Мы читаем их в бизнес-планах и проспектах стартапов Второй волны, появившихся, как грибы после дождя, тридцать лет назад. Потом эти стартапы лопнули или были поглощены титанами, которых они думали свергнуть. Мы слышали эти слова от парсов, исмаилитов, мормонов, иудеев, заокеанских китайцев, — а потом они увидели, что нанотех обещает благосостояние всем, и подписали Протокол. Сейчас мы слышим те же слова от пёстрого сброда синтетических фил, которые хотят убедить нас, что система, принесшая большей части мира невиданное процветание, — в действительности всего лишь хитроумный механизм угнетения. Спросите пейзанина из провинции Фуцзянь, который когда-то трудился на рисовом поле от рассвета до заката, угнетён ли он сейчас, когда может получать рис прямо из линии Подачи и проводить дни в играх с внуками или в рактивке на своём медиатроне?

— Работая на своём поле, этот человек был самодостаточен, — возразил ОгнеЛисс. — Он принадлежал к сообществу трудящихся, которые вместе добывали себе пропитание. Теперь это сообщество разрушено, и он зависим от вашей Подачи, как младенец от сиськи матери.

— Надо думать, ваш комплот каким-то образом спасёт этого несчастного пейзанина от обильного питания три раза в день? — съязвил капитан.

— Вместо Подачи у него будет Семя, — сказал ОгнеЛисс. — Взамен риса он посадит его, и оно вырастет и превратится в его собственный Источник, продукцию которого он будет использовать, как пожелает, — не полагаясь на Источник, которым владеют живущие за тысячу миль чужаки.

— Идиллическая картина, — сказал капитан Нэйпир. — Увы,

она очень многое оставляет недосказанным. Это ваше Семя — оно ведь не просто фабрика по производству пищи. Потенциально оно — оружие, перед разрушительной силой которого пасуют ядерные бомбы Елизаветинской эпохи. Вот я, как ты уже, наверное, понял, живу на атлантской территории, где владение оружием строго контролируется. Дети и женщины Атлантиды могут ходить где угодно и не бояться насилия. Но рос я не там. Нет, я рос в занюханном клаве, где владение оружием никак не регулировалось, и мальчишкой часто натыкался в нашем квартале на мёртвые тела, исполосованные жуткими шрамами от «штамповалок». А вы собираетесь отдать технологию, в миллион раз более опасную, в руки людей без образования, без нравственного стержня и здравого смысла, — здесь капитан метнул вызывающий взгляд на маршала Вуковича. — Если ваш план сработает, мы все обречены; так что, если хотите вырвать у нас информацию под пытками, приступайте! Мы все торжественно клялись Богу и королеве и скорее умрём, чем нарушим клятву.

После этой дерзновенной речи, — каковая, надо сознаться, весьма укрепила мой пошатнувшийся было дух, — ОгнеЛисс будто взбесился и, не удержи его Карл Четырёхколёсник с одним из своих приспешников, придушил бы беззащитного капитана Нэйпира прямо на наших глазах!

— Ладно же! — вскричал ОгнеЛисс. — Ты будешь первым, раз уж ты военный и, скорее всего, нужной нам информацией не владеешь. Мы проверим тебя на прочность, капитан, а твои спутники пусть наслаждаются зрелищем. Посмотрим, что они запоют, увидев, как тебя раз за разом превращают в скулящий комок!

Маршал Вукович без лишних слов кивнул технику, и тот нажал на контрольной панели ряд механических кнопок, дёрнул рычаг. От электрического разряда капитан Нэйпир невольно вскрикнул и забился в верёвках.

Элементарная благопристойность запрещает мне описывать в подробностях следующие несколько часов; довольно сказать, что капитан Нэйпир оставался насколько же непреклонным, насколько Карл, ОгнеЛисс и маршал Вукович — жестокосердными, и что никто не хотел уступить, покуда мой друг не обвис без сознания в своих путах. Одного из приспешников Карла послали за ведром воды. Пока мы его ждали, три заговорщика шептались в дальнем углу, а мы с доктором Нкрумой смотрели друг на друга; не требовалось слов, чтобы обменяться мыслями: кто из нас на очереди, и окажемся ли мы столь же стойкими?

Наши тягостные раздумья прервало волнение в примыкающем коридоре. Один из охранников Карла выглянул в проём, взвизгнул от ужаса и, захлопнув дверь, задвинул все засовы. Через тяжёлую дверь мы услышали шум короткой, но жестокой схватки. Затем, к нашему изумлению, из стены забил фонтан бетонной крошки и пыли. Когда последняя осела, мы увидели шесть дюймов узкого, слегка изогнутого лезвия, кончик которого, очевидно, пронзил стену насквозь! Лезвие опустилось, как масло разрезая бетон со стальной арматурой, и описало неправильный овал размером с человека. Пыли было столько, что свет померк и все мы закашлялись. Карл, ОгнеЛисс и маршал Вукович, запертые в собственной своей темнице, могли лишь смятенно теребить в руках оружие для защиты от таинственного нападения. Долго ждать не пришлось; через секунды эллипс был завершён, и с другой стороны тяжело стукнуло. Вырезанный овал выпал в помещение и с чудовищным грохотом, поднимая клубы пыли, рухнул на пол. В прорубленном отверстии стоял, как мы с восторгом увидели, никто другой, как майор Ясухиро Одзава из контингента ниппонского отделения Контроля за соблюдением Протокола, в боевой броне и с чудо-мечом, способным резать бетон! За ним толпился полный взвод, экипированный подобным же образом. Большинство наших тюремщиков, вопреки приказам взбешённых командиров, тут же побросали оружие, и вскоре мучители капитана Нэйпира были задержаны, а майор Одзава любезно разрезал наши путы своим мечом.

— Это всё равно что цепная пила, — на нанометровом уровне, конечно, — объяснил он на безупречном английском. Я не мог не порадоваться, что столь опасная технология находится в надёжных руках дисциплинированных ниппонцев и не встроена в Семя, которое любой может взрастить на грядке.

Пока ниппонский врач занимался капитаном Нэйпиром, майор Одзава объяснил, что «письмо в бутылке» размером со спору, спроектированное мною по совету доктора Нкрумы, наш сигнал бедствия, достиг иммунного поля ниппонского плавучего мира, обретавшегося у берегов Лос-Анджелеса. Из-за диковинной формы спора попала к инженеру сил обороны, а тот, её изучая, нашёл скрытое послание. Капитан Нэйпир скоро пришёл в себя; полного выздоровления, впрочем, придётся немного подождать. Агенты Контроля за соблюдением Протокола, подданные императора и королевы, уже били по узлам сети, сплетённой ОгнеЛиссом, королём Карлом, маршалом Вуковичем и их сообщниками, и нам пока делать было нечего. Мы с нашими спасителями обменялись поклонами, подняли тосты за своих монархов, — великолепным саке нас заботливо снабдил майор

Одзава, — и приступили к важнейшему этапу нашей миссии: воссоединению с семьями и написанию полного отчёта (настоящие записки можно рассматривать только как его краткое изложение) для Её Величества королевы Атлантиды Виктории II, кому и посвящена эта скромная работа.